ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. — 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. — Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. — 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР — ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам	35
Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... ..	38
Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	41
С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской	45
А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	47
Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... ..	51
А. О. Машезерская. Архив возможных отношений	56
А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины	128
С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве	140
П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

<i>Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы</i>	149
<i>Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской</i>	156
<i>В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)</i>	163
<i>В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента</i>	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль</i>	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии</i>	185
<i>Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра</i>	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу</i>	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири</i>	205
<i>Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле</i>	212
<i>В. А. Алёшкин. Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)</i>	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву</i>	227
<i>А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге</i>	240
<i>Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма</i>	264
<i>В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)</i>	270
<i>С. В. Белецкий. Незвестные фотографии Пскова 1946 года</i>	280
<i>Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)</i>	285
<i>О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)</i>	294
<i>В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.</i>	300
<i>В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.</i>	303
<i>А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)</i>	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014).</i> Scientific research activities and the documentary heritage	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva</i>	149
<i>G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya</i>	156
<i>V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)</i>	163
<i>V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent</i>	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul</i>	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology</i>	185
<i>E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker</i>	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "...I happened to meet many persons of different faiths and nations..." A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz</i>	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia</i>	205
<i>E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland</i>	212
<i>V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)</i>	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev</i>	227
<i>A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg</i>	240
<i>N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards</i>	264
<i>V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)</i>	270
<i>S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946</i>	280
<i>N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)</i>	285
<i>O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)</i>	294
<i>V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783</i>	300
<i>V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s</i>	303
<i>A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)</i>	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

Войлок и мех в живописи Пенджикента

Ключевые слова: *Пенджикент, росписи, одежда, головные уборы, войлок, мех, колпаки.*

Keywords: *Panjakent, painting, clothes, hats, felt, fur, caps.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-168-177

В этой небольшой статье будут рассмотрены войлочные головные уборы и одежда из меха, представленные в росписях Пенджикента. На этих росписях, как всегда в Пенджикенте, изображены предметы, использовавшиеся в реальной жизни. Многие из них соответствуют изделиям, найденным во время раскопок. Отсюда можно предположить, что предметы, изображенные на росписях, могут дать нам представление о реально существовавших вещах из материалов, которые не сохраняются в условиях Пенджикента.

Живопись, некогда украшавшая стены парадного зала (помещение 28 объекта XXV) дома богатого хлеботорговца древнего Пенджикента, неоднократно издавалась (см.: *Маршак, Распопова*, 1984. С. 108–118; *Маршак*, 1999. С. 186, табл. 33, 5; *Marshak, Raspopova*, 1987. P. 193–199; 1990. P. 123–176). Время ее создания укладывается в пределы между последними годами VII в. и 720-ми гг. Головные уборы в росписях парадного зала очень разнообразны. В большинстве случаев это высокие конусообразные колпаки в разных вариантах. Несколько раз встречены чалмы, имеются головные повязки, венки из цветов. В статье будет рассмотрен лишь один из видов головных уборов — колпаки-кулохи.

Композиция росписей этого зала сложна. На стене напротив входа изображена чета богов на общем троне, а на боковых стенах помещены несколько похожих сцен, в каждой из которых есть царь, пирующий в окружении своих подданных. Таким образом художник изобразил всемирный пир. Причина этого праздника — увоз зерна нового урожая с гумна под покровительством патрона земледелия — запечатлена на северной стене с входной дверью (рис. 1). Ниже этой сцены изображены пирующие. Верх стены занимает огромное изображение богини Нанайи на льве и другие боги. Патрон земледелия представлен в виде царственного божества, о чем свидетельствует не только трон и пышность его одежд, но и характерная именно для богов поза с полусогнутой ногой и саса-

нидские ленты, отходящие от завязки венка. На голове патрона земледелия простой валяный войлочный колпак с промятым верхом (рис. 2). Колпак высокий, белого цвета, его обвивает венок из длинных листьев. Этот головной убор заставляет вспомнить крылатую диадему и высокую шапку согдийского царя.

В тронном зале дворца правителя Пенджикента найден фрагмент живописи с изображением момента коронования (рис. 3, 1). Диадему с крыльями и полумесяцем, украшенную жемчугом и драгоценными камнями, завязывают поверх высокого колпака. Колпак плотно сидит на голове, над макушкой поднимается узкая конусообразная верхушка, прошитая многочисленными вертикальными швами, которые придают ему нарядность. Верхушка колпака изготовлена отдельно и пришита к основной части. Снизу шапка прошита горизонтальными линиями. Колпак белый, видимо валяный из войлока. Это изображение соответствует тексту Тан-шу о Самарканде: «Владелец носит валяную шапку, украшенную золотом и дорогими камнями» (*Бичурин*, 1950. Т. II, с. 310).

Также на цитадели Пенджикента при раскопках тронного зала, уничтоженного арабами в 722 г., найдены еще два фрагмента с изображением подобных конусообразных колпаков (*Исаков*, 1977, рис. 64). Они прошиты многочисленными вертикальными швами и сильно вытянуты, как и на шапке правителя Пенджикента. У этих головных уборов узкая верхушка изготовлена отдельно и пришита к основной части (рис. 3, 2). Вполне возможно, что это фрагменты сцен, где был представлен один и тот же персонаж.

Следует также упомянуть, что похожий колпак венчал голову пирующего в пышных одеждах, изображенного в помещении 10 в храме I (*Дьяконов*, 1954. С. 104–105, табл. VII). Изображения головных уборов в виде вытянутых колпаков обычны в живописных сценах первой половины VIII в., иллюстрирующих сказки, басни, притчи (*Marshak*, 2002. P. 125, fig. 32; 41; 76; 77; 86; 89–92).

Вернемся к росписи помещения 28 объекта XXV. Здесь можно увидеть участников обряда-праздника урожая, который совершается ежегодно, а следовательно,

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: bmarshak@yandex.ru.

Рис. 1. Пенджикент. Объект XXV, помещение 28. Северная стена. Прорисовка живописи Т. С. Василенко.

Fig. 1. Panjakent. Structure XXV, room 28. Northern wall. Painting copied in detail by T. S. Vasilenko.

Рис. 2. Пенджикент. Объект XXV, помещение 28. Северная стена. Колпак патрона земледелия.

Fig. 2. Panjakent. Structure XXV, room 28. Northern wall. Cap of patron of agriculture.

художник изобразил своих современников. В сцене пира на северной стене на голове одного из пирующих мы видим конусовидный белый колпак, скорее всего войлочный, поверх которого надета свернутая жгутом повязка из белой, черной, голубой и серой материи (рис. 4, 1). Шапка доходит до верха уха, оставляя лоб открытым. На голове другого участника этого пира также остроконечный колпак, плотно сидящий на голове, закрывающий ухо (рис. 4, 2). Колпак шит из отдельных продольных полос.

На северной части восточной стены сохранились фрагменты росписи двух ярусов (рис. 5). В нижнем ярусе показан пирующий с цветком в правой руке (рис. 6, 1). На голове шапка в виде колпака, скорее всего меховая, окаймленная снизу узкой полосой материи. Шапка плотно сидит на голове, оставляя открытым лоб и закрывая верх уха. Далее на юг в нижнем ярусе росписи для нас представляют интерес изображения еще двух шапок. Одна из них в виде белого плотно прилегающего к голове колпака с околышем (рис. 6, 2). Верхний край околыша окаймлен фестонами, поле околыша украшали вышитые цветы. От изображения колпака другого пирующего сохранился лишь фрагмент (рис. 7). Это белый колпак, сшитый из вертикальных клиньев, с широким околышем, на котором имеются следы вышивки.

Рис. 3. Тронный зал дворца правителя Пенджикента. 1 — фрагмент живописи с изображением момента коронования; 2 — фрагмент живописи с изображением колпака.

Fig. 3. Throne room of the palace of the ruler of Panjakent. 1 — fragment of painting with a representation of coronation moment; 2 — fragment of painting with a representation of a cap.

Рис. 4. Пенджикент. Объект XXV, помещение 28. Северная стена. 1 — конусовидный белый колпак с повязкой из белой, черной, голубой и серой материи; 2 — колпак одного из пирующих.

Fig. 4. Panjakent. Structure XXV, room 28. Northern wall. 1 — cone-shaped white cap with a band from white, black, blue and grey cloth; 2 — cap of one of the feasting persons.

В завале перед восточной стеной найдено несколько фрагментов росписи, на которых сохранились изображения шапок. Б. И. Маршак предложил реконструкцию росписи северной части восточной стены (рис. 8), куда вошли все фрагменты живописи, найденные в завале перед этой частью стены. Интересно изображение шапки в виде колпака с широким околышем. Сам колпак, видимо, был шит из четырех клиньев белой плотной материи — войлока, а околыш меховой (рис. 9). По нижнему краю околыша показана узкая красная полоска. Шапка плотно сидит на голове, закрывая верх уха и оставляя открытым лоб. Изображение похожего головного убора имеется на фрагменте живописи, обнаруженном в завале около западной стены. Это высокий колпак с околышем, по всей вероятности меховым, показаны черные завитки. Поверх шапки надо лбом надет венок из многолепестковых цветов с круглой серединой.

В завале перед восточной стеной найден еще один фрагмент, где от шапки сохранилось лишь изображение околыша, на этот раз не мехового, а, видимо, войлочного с вышивкой (рис. 10). В середине крестообразная фигура, а сбоку полупальметка. Войлок белого цвета, вышивка красного. Сбоку надо лбом околыш имел маленький подтреугольный вырез.

Рис. 5. Пенджикент. Северная часть восточной стены, помещение 28. Прорисовка.

Fig. 5. Panjakent. Northern part of the eastern wall of room 28. Detailed representation.

Рис. 6. Пенджикент. Северная часть восточной стены, помещение 28. Нижний ярус. 1 — колпак из меха (?); 2 — колпак с околышем, украшенным вышивкой.

Fig. 6. Panjakent. Northern part of the eastern wall of room 28. Lower level. 1 — cap of fur (?); 2 — cap with a band ornamented with embroidery.

В завале около южной части восточной стены найден другой фрагмент росписи с изображением части лица и шапки (рис. 11; 12). Шапка — колпак белого цвета, плотно сидящий на голове, закрывая верх уха и оставляя лоб открытым. Около уха край колпака имеет маленький подтреугольный разрез. На колпаке красным нарисованы два обращенных друг к другу крыла-

тых верблюда с драконьими хвостами и развевающимися лентами, свисающими из рта. Скорее всего, художник передал здесь вышивку².

² О вышивании в древнем Пенджикенте у нас имеются лишь косвенные свидетельства (Маршак, Распопова, 2006. С. 53–55). Вышивку на колпаках могли исполнить мастерицы по эскизам, предоставленным художником. Вышивка, скорее всего, имела сакральное значение.

Рис. 7. Северная часть восточной стены, помещение 28. Нижний ярус. Фрагмент изображения колпака. Следы вышивки.

Fig. 7. Panjakent. Northern part of the eastern wall of room 28. Lower level. Fragment with representation of a cap. Traces of embroidery.

Конусообразные колпаки, сшитые из четырех подтреугольных долек, хорошо известны в этнографии Средней Азии. Им посвящено исследование О. А. Сухаревой, которая пришла к выводу о древности этого вида головного убора. Она считала, что конусообразные дервишские кулохи, сшитые из четырех подтреугольных долек, — самый древний тип головного убора, сохранившийся у народов Средней Азии. Он отличается от иранского кулоха, который валяен целиком и не имеет никаких швов. О. А. Сухарева связывала покррой войлочного колпака из четырех долек с влиянием древних тюрков, однако отмечала, что среди всех народов Средней Азии кулох носили лишь таджики и узбеки (Сухарева, 1954. С. 339, примеч. 4).

Росписи Пенджикента свидетельствуют, что подобные шапки были одним из излюбленных видов головных уборов у согдийцев. Тюркские каменные изваяния показывают, что тюрки не носили шапок именно такого типа (Евтюхова, 1952. С. 102–104; Шер, 1966). В помещении 1 объекта XXIV Пенджикента изображена сцена пира (роспись относится к 40-м гг. VIII в.), где между двумя пирующими стоит шапка белого цвета с высоким околышем и конусообразным верхом, сшитым из четырех подтреугольных долек (Belenizki, 1980. S. 125). Контур этой шапки удивительно совпадает с контуром дервишской шапки, изданной О. А. Сухаревой (Сухарева, 1954. Рис 12а; см. также Рассудова, 1989. Рис. 1, 4).

Связывать изделия из войлока только с кочевниками нет никаких оснований. Э. Шефер, основываясь на изысканиях своего учителя Б. Лауфера, пришел к выводу, что подлинная родина войлока «среди иранских народов, там, где древние жрецы-маги и ахеменидские цари носили высокие войлочные шапки, так же как это делали в Согде их позднейшие подражатели» (Шефер, 1981. С. 267–268). У ягнобцев, сохранявших до недавнего прошлого согдийский язык, ваение войлока — обычный домашний промысел (Пещерева, 1976. С. 26–27). О. А. Сухарева считает поздним признаком вышивку на кулохах. Однако колпаки, изображенные на восточной стене помещения, в двух случаях украшены вышивкой, мотивы которой не тюркские. Крылатые верблюды с лентами во рту — известный религиозный символ согдийцев, видимо, это знак бога Победы (Маршак, 1999. С. 182–183). Видимо, считалось, что шапка с таким символом поможет владельцу получить покровительство этого божества.

Надо отметить, что в VII–VIII вв. китайцы изображали в таких шапках именно согдийцев. Например,

Рис. 8. Пенджикент. Реконструкция Б. И. Маршака росписи северной части восточной стены.

Fig. 8. Panjakent. B. I. Marshak's reconstruction of the painting in the northern part of the eastern wall.

Рис. 9. Пенджикент. Северная часть восточной стены. Колпак с меховым околышем.

Fig. 9. Panjakent. Northern part of the eastern wall. Cap with a fur band.

Рис. 10. Пенджикент. Северная часть восточной стены. Колпак с околышем, украшенным вышивкой.

Fig. 10. Panjakent. Northern part of the eastern wall. Cap with a band decorated with embroidery.

Рис. 11. Пенджикент. Реконструкция Б. И. Маршака росписи южной части восточной стены.

Fig. 11. Panjakent. B. I. Marshak's reconstruction of the painting in the southern part of the eastern wall.

Рис. 12. Пенджикент. Южная часть восточной стены. Колпак с околышем, украшенным вышивкой.

Fig. 12. Panjakent. Southern part of the eastern wall. Cap with a band decorated with embroidery.

погребальная фигурка из Астаны, выполненная китайским мастером, передает согдийца с подчеркнуто европеоидным лицом, одетого по согдийской моде в кафтан с отворотом и боковыми разрезами, в черных сапогах (Каталог, 1986. № 84; *The glory of the Silk Road*, 2003. No. 32). Над верхней губой — узенькие усы, на подбородке — маленький клинышек бороды, хотя щеки гладко выбриты. На голове высокий белый кулох с красным околышем. С двух сторон кулох украшен красной вышивкой по белому фону: над выступом околыша — небольшое колечко, по бокам — ромб, на концах которого и в центре небольшие кружки. Статуэтка происходит из могилы, дата которой не позже 689 г. — даты смерти последней погребенной.

Мастер, изготовивший эту статуэтку, допустил ошибку при изображении костюма: у согдийцев правая пола лежит поверх левой, а здесь наоборот, но он не упустил вытянутость и остроконечность — характерные особенности согдийских головных уборов. Следует заметить, что колпак из Астаны и пенджикентские близки хронологически: 689 г. — последние годы VII — первая четверть VIII в.³

Белый вытянутый остроконечный колпак был признаком этнической принадлежности человека, который носил его. Такие головные уборы мы видим на головах согдийцев на росписи первой половины VIII в. в пещере 45 в сцене нападения разбойников на купцов из Центральной Азии (*Whitfield*, 1995. P. 89–90, il. 109; 110).

Уйгуры, судя по их собственным миниатюрам, в VIII–IX вв. носили совсем другие войлочные шапки (*Along the Ancient Silk Routes*, 1982. P. 180, cat. no. 117).

Неожиданным явилось изображение одежды из меха. В завале перед северной частью восточной стены были найдены фрагменты живописи с изображением короны и руки, держащей топорик (рис. 8; 13, 1, 2). Они, скорее всего, относятся к крупной фигуре, сидящей на ковре. Для нас интересна одежда этой фигуры. Она была меховой, сшитой из пластин меха, расположенных горизонтально. Фон меха палевый, по нему между черными «елочками» помещены черные завитки в виде запятых (рис. 13, 1). Можно предположить, что художник здесь изобразил мех горностая, которого он не видел в натуре. Другими памятниками изобразительного искусства Средней Азии раннего средневековья меховая одежда не засвидетельствована.

В Восточном Туркестане в таких одеяниях изображены иноземцы (*Grünwedel*, 1912. S. 185, Abb. 426). В Отделе Востока ГЭ хранится статуэтка из раскрашенной глины (ГЭ ОВ КУ-260), происходящая из Восточного Туркестана (Кучар) (Пещеры тысячи Будд, 2008. С. 151, кат. № 96; *Expedition Silk Road*, 2014. P. 16–17, 166–167, cat. no. 95). Скульптор изобразил иноземца в распашном кафтане из шкурок горностая (?). Кафтан сшит из прямоугольных пластин меха голубовато-серого цвета, от середины верхней стороны каждой из пластин отходит черный «хвост» горностая (?). На изготовление этого кафтана пошло огромное количество шкурок,

даже если считать, что каждый хвост — это одно животное. Кафтан застегнут так же, как на статуэтке из Астаны: левая пола лежит поверх правой. На голове белый колпак конической формы, но он не имеет околыша.

Ведя обширную торговлю с северными народами, согдийцы привозили меха в обмен на серебряные сосуды, которые хорошо известны (*Маршак*, 2006). Однако о мехах, которые поступали в обмен на серебро, мы впервые узнаем благодаря изображениям на пенджикентской росписи. В более позднее время меховая одежда засвидетельствована среднеазиатскими миниатюрами (*Горелик*, 1979. С. 55, рис. 3, 10).

Возвращаясь к стенам парадного зала (помещение 28 объекта XXV), упомянем, что здесь было изображено несколько царей — не менее четырех. Следует отметить, что это не несколько изображений одного царя, скажем, во время различных празднеств, поскольку, изображая одного и того же человека, согдийские художники всегда стремились к узнаваемости персонажа. Для этого они давали такому персонажу одни и те же атрибуты, тогда как здесь наблюдается нарочитое разнообразие деталей. Из этого следует, что изображены разные цари, т. е. цари разных стран. Сюжетом всей росписи западной, восточной и нижней части северной стен было празднество по поводу сбора урожая, охватывающее весь мир. Такой всемирный охват заставляет вспомнить упоминаемое в китайских источниках здание в Кушании в Согде, в котором на северной стене были изображены китайские императоры, на восточной — индийцы и тюрки, а на западной — персидские и римские государи (*Бичурин*, 1950. Т. II, с. 315 [Таншу, гл. 221]). О южной стене ничего не сказано. Возможно, информатор не счел нужным упоминать об изображении богов почти обязательных на одной из стен согдийского зала. Из-за фрагментарности росписи трудно судить о том, в какой степени художник стремился передать особенности разных народов. То, что в северной части восточной стены царь одет в меха, а у двух других персонажей — шапки с меховыми околышами, свидетельствует о том, что хозяин дома, который являлся владельцем крупных хлебных складов, мог иметь какие-то опосредованные торговые дела с народами «мехового пути».

³ В Астанинском могильнике в могиле 206 были обнаружены две идентичные статуэтки грума, которые отличаются материалом, из которого они сделаны: дерево (*The glory of the Silk Road* 2003. No. 32) или глина (Каталог, 1986. № 84), а также цветом кафтанов.

Рис. 13. Пенджикент. Помещение 28. Завал перед северной частью восточной стены. 1, 2 — фрагменты живописи с изображением меховой одежды.

Fig. 13. Panjakent. Room 28. Collapsed structure in front of the northern part of the eastern wall. 1, 2 — fragments of painting with a representation of fur clothes.

Литература

- Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. II.
- Горелик, 1979 — Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. О. А. Сухарева. М., 1979.
- Дьяконов, 1954 — Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
- Евтюхова, 1952 — Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М., 1952 (МИА; № 24).
- Исаков, 1977 — Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- Каталог, 1986 — Каталог выставки памятников Синцзяня из КНР. Токио, 1986 (на яп. яз.).
- Маршак, Распопова, 1984 — Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири / отв. ред. Я. И. Сунчугаев. Абакан, 1984.
- Маршак, Распопова, 2006 — Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году. СПб., 2006 (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции; вып. VIII).
- Маршак, 1999 — Маршак Б. И. Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999 (Серия: Археология).
- Маршак, 2006 — Маршак Б. И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. К XXI Международному конгрессу византистов (Лондон, 21–26 августа 2006 года). СПб., 2006.
- Пещерева, 1976 — Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976.
- Пещеры тысячи Будд — Пещеры тысячи Будд. Российские экспедиции на Шёлковом пути. К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки / науч. ред. О. П. Дешпанде. СПб., 2008.
- Рассудова, 1989 — Рассудова Р. А. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сб. статей. Л., 1989 (Сборник МАЭ; т. 43).
- Сухарева, 1954 — Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. Т. I (Тр. Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая; т. XXI).
- Шер, 1966 — Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья Л., 1966.
- Шефер, 1981 — Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.
- Along the Ancient Silk Routes, 1982 — Along the Ancient Silk Routes. Central Asian Art from the West Berlin State Museum. An exhibition lent by the Museum für Indische Kunst, Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz, Berlin. Federal Republic of Germany. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1982.

Belenizki, 1980 — *Belenizki A. M.* Mittelasien. Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.

Expedition Silk Road, 2014 — Expedition Silk Road, Journey to the West. Treasures from the Hermitage. Exhibition catalogue. Amsterdam, 2014.

Grünwedel, 1912 — *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. Berlin, 1912.

The glory of the Silk Road, 2003 — The glory of the Silk Road: art from Ancient China / ed. J. Li, V. Hansen. Dayton, 2003.

Marshak, 2002 — *Marshak B.* Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana (with an Appendix by V. A. Livshits). New York, 2002.

Marshak, Raspopova, 1987 — *Marshak B. I., Raspopova V. I.* Une image sogdienne du dieu-patriarche de l'agriculture // *Studia Iranica*. 1987. Т. 16/2.

Marshak, Raspopova, 1990 — *Marshak B. I., Raspopova V. I.* Wall Paintings from a House with a Granary, Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century AD // *Silk Road Art and Archaeology I*. Kamakura, 1990.

Whitfield, 1995 — *Whitfield R.* Dunhuang: Caves of the Singing Sands: Buddhist Art from the Silk. London, 1995. 2 Vol.

В. И. Распопова

Войлок и мех в живописи Пенджикента

Статья посвящена войлочным головным уборам и одежде из меха, которые представлены в росписях стен парадного зала дома богатого хлеботорговца древнего Пенджикента: помещение 28 объекта XXV; последние годы VII в. — 720-е гг. (рис. 1). Эти росписи представляют несомненный интерес, так как на них изображены изделия, которые использовались в реальной жизни, а многие из них соответствуют найденным во время раскопок предметам. В статье рассмотрен наиболее часто встречающийся в росписях вид головных уборов — высокие конусообразные колпаки в разных вариантах (рис. 2–7; 9; 10; 12). Считается, что конусообразные колпаки, сшитые из че-

тырех подтреугольных долек, — самый древний тип головного убора, сохранившийся у народов Средней Азии. Росписи Пенджикента свидетельствуют, что подобные шапки были одним из любимых видов головных уборов у согдийцев. Изображения одежды из меха (мех горностая? — рис. 8; 13, 1, 2) среди других памятников изобразительного искусства Средней Азии раннего средневековья пока не известны. Присутствие в росписях меховой одежды, а также шапок с меховыми околышами, свидетельствует о том, что хозяин дома (владелец крупных хлебных складов) мог иметь какие-то опосредованные торговые дела с народами «мехового пути».

V. I. Raspopova

Felt and fur in the paintings of Panjakent

This article is devoted to felt headdresses and fur clothes represented in the paintings of the walls of the ceremonious hall in the house of a rich grain merchant in the ancient Panjakent: room 28 of object XXV; the last years of the 7th century — 720s AD (fig. 1). These paintings are of undoubted interest since in them articles used in real life are represented while many of them correspond to objects found during excavations. In this paper, a type of headdress most frequent in the paintings is considered, viz. high conical caps in different variants (figs. 2–7; 9; 10; 12). It is believed that conical caps sewn from four nearly triangular parts is

the earliest type of headdress survived among peoples of Central Asia. Panjakent paintings bear evidence that similar caps were one of the most favourite types of headdress among the Sogdians. Representations of clothes of fur (of ermine? — figs. 8; 13, 1, 2) are so far unknown at other sites of visual art of Central Asia of the early Middle Ages. The presence of fur clothes, as well as caps with fur bands, indicates that the master of the house (owner of large grain warehouses) can have been concerned with some indirect trade with peoples of the 'fur road'.